

16+

Игнатов Н.А.

С М С

Почти документальная повесть

Николай Игнатов

С М С

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Игнатов Н. А.

С М С / Н. А. Игнатов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Таинственный высший разум преследует в бесконечности Вселенных некое сверх-существо, опустошающее целые миры. Преследователь служит одной только цели - нейтрализовать древнего и совершенного врага. Стечением обстоятельств их заносит на планету Земля в двадцать втором веке, где бесконечная, казалось, погоня, наконец, завершается.

Не для посторонних глаз

I/A

Должен предупредить тебя, читатель, который когда-нибудь увидит эти строки – не следует относиться к тексту как некоему документу, хотя в основе его и лежит мой рапорт. Также мой долг – уведомить тебя о конформности языка, на котором этот текст составлен; представитель любой из ваших языковых групп сможет понять смысл прочитанного без перевода, а определения всех понятий и названий адаптированы для восприятия и осознания субъектами вашего культурогенеза.

Я составил этот текст именно в твоём мире и для тебя, мой неизвестный читатель, только потому, что твой мир стал последней вехой в моём бытии. Здесь я исключился из объективности; здесь я, говоря твоим языком, погиб и воскрес; здесь я нашёл то, что искал на протяжении всего бессрочного своего пребывания. Я бы мог сказать – всей своей жизни, но, боюсь, не смотря даже на конформность речи, моё бытие слишком разнится с понятием «жизнь», принятым в обиход в твоём мире.

Прочти же этот текст, ибо я создал его именно для тебя. К тому же, весьма маловероятно, что ты когда-нибудь найдёшь другую подобную рукопись, составленную столь же необычным гостем твоего мира, как я. Мое представление было бы здесь не столько излишним, сколько бессмысленным, поэтому я останусь для тебя инкогнито, но все же, позволю себе внести некоторую пояснительную информацию. Нашей расе чужд такой способ общения как письменность в том смысле, в котором её используют многие разумные существа, с которыми нам доводилось встречаться. Мы используем разные виды общения, но записывание и воспроизведение феноменов, фактов и мыслей в виде знаков, составление текста – этого не существует в наших культурных парадигмах. В связи с этим мне пришлось изощряться, чтобы адаптировать мыслеформы к вашему восприятию, преобразовав их в объект письменности.

Однако перейду к сути. Мой рапорт, упомянутый выше, был составлен на основании итогов наших последних линейных экспедиций в виде гиперинформативного отчета. Он сплошь состоит из вычислений, расчётов, описаний фактов и действий, а также выводов, имеющих вид определяющих или заключительных суждений, и вряд ли в таком виде может представить интерес для тебя. К тому же, носители вашей культуры едва окажутся способны, читая мой рапорт (будь он даже и написан), понять хоть что-либо, уловить даже малейший смысл из указанных в нём данных. По сему, считаю возможным излагать здесь лишь малые выдержки из отчёта, только способные дать тебе рафинированный продукт для понимания.

Наш небольшой флот вновь был нацелен на поиск и нейтрализацию Норага, а также любых следов его пребывания в любом из миров. Нораг, так мы его называем, и это одно из допустимых его наименований. Сам он зовёт себя иначе, но повторять, даже в виде текста его самоназвание я не могу. Это осквернит саму идею письма. Нораг – это древнейший, из известных нам, носитель разума в исследованных мирах. Для нас же он величайший и единственный, враг. Наша раса очень немногочисленна в сравнении с другими, встреченными нами в бесчисленных путешествиях. Не буду прибегать к цифрам, скажу лишь, нас – невообразимо мало. Впрочем, повторюсь, нет смысла производить лишней информации, это здесь ни к чему; особенности нашего бытия и сама наша модель жизнедеятельности покажется тебе и любому из твоих соплеменников, несмотря на всю вашу дифференцированность, настолько непривычной (возможно и в негативном контексте), что впечатления встанут на пути постижения написанного. Если представителей нашей расы немного, то Нораг – вовсе один. Он один в своём

роде, и, насколько мы смогли его изучить, один он был всегда. Никакой цивилизации, никакой общности, никакой расы. Однако структура его бытия, в действительности, много сложнее, нежели может показаться. И, к сожалению, нам так и казалось в первое время нашего с ним знакомства. Нораг один, но его бесконечно много. И уразуметь это нелегко.

Попытаюсь же разъяснить всё предельно просто. Нораг – искусственное создание. И нет таких слов во всех мирах, чтобы сказать ими что-то хорошее об его создателях. В нём воплотилось всё худшее, что может изобрести высокий и злой разум. Нам трудно сообразить, чем он руководствуется в своих действиях, но некоторые логические догадки мы построить смогли. Нораг материален. Отчасти. Он может, при необходимости, принимать разные формы, в том числе форму электромагнитного излучения, энергии и прочих проявлений материального мира. Он создан искусственно и является олицетворением пусть злого, но гения. Используемые им технологии (это слово здесь едва подходит) в чём-то превосходят наши, возможно поэтому мы столь долго пытаемся его нейтрализовать, но пока у нас не выходит; он всегда опережает нас на шаг.

Мы фиксируем его появление только в тех мирах, где обнаруживается определенный уровень цивилизации. В иных условиях, когда цивилизация отсутствует или уровень её развития чрезмерно мал, Нораг не имеет возможности реализовать свои злодеяния или не имеет желания сделать это. Каким именно образом работает чудовищный механизм его воли, станет ясно из моего повествования.

2/М

Камешек прилетел откуда-то сверху, и попал в левую ногу дремавшего Мелая, который на это никак не отреагировал. Жаркое полуденное солнце, меж тем, сильно припекло его левый бок, и он, заворочавшись, проснулся. Заполненный светом, запахами и звуками мир, лавиной хлынул в едва открытые глаза бедолаги. Мелай приподнял голову и осмотрелся со своего высокого стога, на котором изволил почивать. Сначала ему показалось, что всё обошлось, ничего особенного не произошло, и никто не заметил, что он немножечко задремал на посту. Но это было наваждение, чьим автором был недовольный пробуждением и оттого особенно мстительный мозг, решивший выкинуть фокус, уходя из любимого дремотного состояния.

Второй камешек прилетел прямо в лоб. Тут же последовал окрик: "Да проснись же, сын желтоухой собаки! Уж давно здесь все!"

Голос Прибая был злым. Впрочем и сам Прибай, глава Общины Язов, не особо был добряком. Мелай потёр ушибленное место, подумав, что непременно вскочит синяк. Приподнявшись на локтях, он взглянул вниз и чуть не свалился со стога от удивления. Все и вправду были там, внизу, прямо под ним, и многие недобро на него глядели. Оттого он их и не увидел сразу, что расположились они прямёхонько под сеном.

Мелай поспешно спрыгнул на землю и подбежал к восседавшему во главе Круга Прибаю. Тот сверкнул на него раскосыми злыми глазами и, повернувшись к остальным в Кругу, сказал: "Прошу извинить моего дозорного, неразумную дубину, за эту задержку. Молодо-зелено, сами знаете".

Прибай вновь взглянул на Мелая, но теперь уже без злобы и продолжил: "Велено было стоять в дозоре на этом стоге, да объявить начало Круга, коли все соберутся. Поди ж сверху оно виднее. Да вот уснул, сукин сын! Солнышко разморило".

Распекаемый горе-дозорный не особо винил себя в произошедшем. Что, думал он, без его объявления это сборище не возникло бы?!

Пока Глава, слегка улыбаясь своей азиатской, ехидной улыбкой, произносил эту извинительно-унизительную речь, многие из Круга, особенно чужие, посмеивались, глядя на Мелая.

Последнему было плевать на это, его всё ещё клонило в сон, а вот Прибай, напротив, заметив эти ухмылочки (тем более гонцов другой общины!), резко разозлился.

– Только не надо тут скалить зубы, полагая что все стражи Язов такие же олухи! Да, это я тебе говорю, Бискар! Чего ржёшь как старая полоумная кобыла? В нашей общине порядок всего превыше, а Мелай... он нездешний. Мы подобрали его. И не ведаем мы, да и он сам, чьего он чёртового племени. Судя по всему – племени парчевых сурков. А вот про вас, Сивушей, и про ваши "хвалёные" дозоры я много могу рассказать. Как у вас бочки с медовухой прямо из-под пьяных стражников уводят.

Все ухмылки тут же прекратились, на лицах гонцов выступила крайняя серьёзность.

– Не гневайся, почтенный Прибай, – отвечал Бискар. – Учли мы укор твой. Давай уже о нашей маркетской сделке поговорим.

Прибай довольно улыбнулся и подмигнул Мелая: садись, мол, чего стоишь.

Круг в Общине Язов был особым алтарём для свершения важных дел. Это был большой, в две лошади в обхвате, собственно круг из досок, вроде как огромная крышка от бочки. Рассаживались все по окружности прямо на земле, заложив ногу за ногу. Ничего класть из своих вещей на Круг нельзя. Он как бы образует собой некое расстояние меж сидящими, что нельзя преодолеть, и это играет роль символа разногласий, которые имеются у собравшихся. Но для того и собираются в Круге, чтобы из разногласий прийти к единому решению. Сегодня дело было простое, споры могли быть лишь о цене.

– Объявляю снова, – звучно прогремел голос Прибая. – Продаём пойманных Порватских лазутчиков. Целые, не калеченные почти. Три штуки.

Глава кивнул вправо, где в десяти шагах от собравшихся, спина к спине, сидели на земле трое связанных бородатых оборванцев. Все они были грязные, немного побитые и перепуганные. У всех троих были завязаны рты. Прибай оглядел сидящих в Круге, убедившись, что все оценили в очередной раз товар, и продолжил.

– Лазутчики были схвачены третьей ночи нашим дозором. Детей опять, чёртовы слуги, хотели выкрасть. Повадились ведь, поганое вымя! Так что дело наше законное, им всё одно – рабство или смерть.

Мелай заметил, что пленники хорошо слышат почти все слова, произносимые в Круге, и, когда до них долетали какие-то важные для них фразы, они непременно ёрзали, переглядывались и отчаянно жевали перетянувшие их рты верёвки, пытаясь произнести хоть что-то, но безуспешно.

– Назови свою цену, почтенный Прибай! – неторопливо и отчётливо произнёс Бискар, старший гонец Общины Сивушей.

– Товар, как видишь, без изъянов, – отвечал так же не спеша Прибай, поглаживая свою рыжую бородку. – Хочу три бочки пива за всех.

Сивуши переглянулись.

– Почтенный Прибай, нам ведома как свет белого солнца, твоя маркетская жила, – заговорил неспешно второй гонец. – И мы чтим и уважаем тебя, как Главу, однако...

Тут гонец замаялся под пристальным взглядом уважаемого Главы и посмотрел на Бискара, который, в свою очередь, продолжил его реплику.

– ...Однако, три бочки за этих доходят – многовато.

Прибай лукаво улыбнулся, хмыкнул и, подняв брови, взглядом выразил интерес к доводам Бискара. Тот, на секунду что-то прикинув в голове, продолжил.

– Пойми, чтимый всеми Прибай, нас отправили сюда строго за покупками новых реликвий. У нас, как тебе известно, так заведено – коли Язы встали на новое место, стало быть, неподалёку они нашли новое Городище, полное реликвий и сокровищ Великих. А значит, надо спешить, пока из других Общин гонцы не опередили и не захапали самое лучшее.

– Ну, уж вас опередишь! – перебил Бискара вечно недовольный Кредай, правая рука Прибая. – Вы ж постоянно вслед за нами как хвост за ящерицей ползёте. Чуть наши нойоны вернуться с первой добычей, даже по чёрным крестам развесить не успеют, так уж пожалста, ваши тут как тут!

Глава Общины хмуρο взглянул на Кредая, показывая тому, что пора б заткнуться, что последний, пусть с недовольным лицом, но тут же сделал. Старший гонец, терпеливо дождавшийся когда помощник Прибая кончит брюзжать, продолжил.

– Ты знаешь, досточтимый Глава, чем промышляет и как ведёт свой быт наша Община. Мы варим пиво и гоним крепкий самогон, а затем меняем их на всё, что нам нужно. Тем и живём. И рабы (он кивнул в сторону связанной троицы) при нашей жизни нам без надобности.

Бискар замолк, как бы ожидая вопроса: дескать, чего ж ты вообще в Круг торговаться сел, ежели тебе товар без надобности?! Вопроса не последовало, все Язы с интересом ждали развития его монолога.

– Себе, для хозяйства, я бы взял, – продолжил он. – У нас с моей старухой одни дочери, а я всегда в разъездах, к вам вот всё мотаюсь, так что ни дров наколоть, ни воду носить, ни кибитку чинить некому. Да и вообще... что как сломается, так Браха, супружница моя, весь табор обежит, пока найдёт кого, кто поможет. А ведь всё за бутыль иль за бочонок, за просто так никто и пальцем не пошевелит.

Бискар снова замолк, как бы собираясь с мыслями. Все по-прежнему с интересом на него смотрели и даже трое пленных, затаившись, ждали продолжения (а ещё больше – окончания) речи старшего гонца Сивушей.

Прибай, меж тем, заметно заскучал. Он много лет занимался маркетством, давно был Главой Общины и слышал подобных рассказов множество. Ему было хорошо известно, что может наговорить покупатель, чтобы сбить цену. Он устало взглянул на Мелая, тот понял этот взгляд и тут же, вытащив откуда-то большую трубку, принялся набивать её. Бискар, заметив это, тут же толкнул младшего гонца и последний сразу засуетился, набивая трубку для своего начальника. Тишина продолжалась. Старший гонец и Глава Общины задымили своими чубуками.

– Так берёшь или что?

– Беру, за одну бочку, двоих.

Прибай после этих слов громко захохотал, обнажая свои желтоватые и местами даже чёрные зубы. Мелай сообразил, что трубка начала действовать и улыбнулся. Теперь переговоры пойдут быстрее. Смеялся Прибай задорно и глаза его слезились.

– Эка ты хватил! – сказал он сквозь смех. – Двоих за одну бочку! А куда... ой не могу! куда ж я третьего дену?

Прибай вернул выкуренную трубку назад Мелая.

– Это уж ты сам решай, – отвечал Бискар (его глаза тоже слезились, Мелая даже показалось, что он изо всех сил сдерживал смех). – Но мне он и даром не нужен.

Глава вытер платком пот со лба и слёзы с глаз, хмыкнул ещё раз, мотнув головой, и, прищурено посмотрев на Бискара, сказал:

– Хитёр ты, конечно, как степной шакал, друг Бискар! Ой, хитёр! Ну, так и быть, пойду тебе на встречу, отдаю двоих, а третьего... – он взглянул снова на пленников, с содроганием внимавших каждому его слову, – а с третьим мы уж чего решим как-нибудь.

Пленники заёрзали, как бы пытаясь отвязаться друг от друга. Мелай рассудил, что никто из них не хочет быть этим третьим, с которым чего-то там решат.

– Ну что ж, досточтимый Глава, по рукам?! Круг окончен? – отдавая младшему гонцу чубук, спросил Бискар.

– А, пожалуй, что и окончен. Забирай двоих за две бочки и тёплого тебе ветра в пути!

– Да как же..., – начал было старший гонец, но Прибай оборвал его.

– Две! Две бочки, Бискар! Или наше маркетское дело не в счёт. Себе всех троих оставлю, охотники беркутов усыкать на них будут.

Старший гонец молчал, что-то прикидывая в уме, его помощник начал ему что-то шептать на ухо. Пленники, меж тем, каким-то невероятным образом извернулись и все втроём жалобно глядели на Бискара. Мелай ухмыльнулся: не хотят, видите ли, быть мишенью для охотничьих орлов.

– Вот что, почтенный Прибай... – твёрдо начал было Бискар, но поймав хмурый и полный уверенности взгляд своего визави, осёкся.

– Ну, говори уж, слушаю.

Бискар замаялся. Мелай понял, что доводы старшего гонца исчерпались, а товар получить он хотел, но не за две бочки.

– Я говорил уже, что хочу оставить пленных там, у нас. Сам-то я в разъездах...

– Ну?! – улыбнулся Прибай, чувствуя, что дело сделано.

– А у меня ж там жена, да две дочери...

– Ну и?!

– Дык это, почтенный Глава, как бы чего они с девками моими не натворили...

На этот раз захохотал весь Круг. Смеялись долго, кто-то даже повалился набок. У Мелая от смеха скрутило живот.

– Да не бойсь ты, – прокричал сквозь смех Кредай, – почтенный старший гонец! Хочешь, мы их прям здесь сейчас оскопим, чтоб ты за девок своих спокоен был?!

Стихающий было хохот, после слов Кредая грянул с новой силой. Все в кругу смотрели на пленных, некоторые тыкали в них пальцами и показывали им недвусмысленные жесты, доходчиво объясняющие, что ожидает их в недалёком будущем. Пленники визжали и дёргались, отчаянно стараясь выпутаться, при этом болезненно перетягивая верёвками рты и руки друга друга.

Хохот стих, Круг был окончен и все, как показалось Мелаяу, были довольны свершённым маркетским делом. Кроме, конечно, пленных, из числа которых ещё не были определены двое проданных.

Все понемногу стали вставать и разминать затекшие ноги. Оскоплять никого не стали. Прибай, от хорошего настроения предложил Бискару вместо этого, в довесок к товару, одну хорошую реликвию, привезённую нойонами из последнего похода в покинутое Городище Великих. Это был, как туманно объяснял Глава Общины, «могущественный алтарь», представлявший собой странную конструкцию, которую Бискар даже не мог ни с чем сравнить. Хотя через руки старого гонца и прошло множество подобных реликвий, эта, все же, была чем-то новым и вызвала удивление. Реликвия, на его взгляд, была похожа на миниатюрную копию приземистого кургана, только угловатого, словно выдолбленного целиком из скалы. Ровность и четкость линий поражала (как и вообще у всех вещей Великих), а материал, из которого был сделан этот «алтарь» был загадочно легок и прочен. Верхний скат «алтаря» сплошь покрывали квадратные элементы орнамента, в каждом квадратике был запечатлен некий сакральный символ. Основание алтаря было сделано из тонкого, но прочного металла, совсем не похожего на привычную в Общинах бронзу. Прибай сказал, что это – некий ящик. Его кузнецы смогли его вскрыть, но он оказался пуст. Только несколько маленьких древних монет лежали там. Собственно, как понял Бискар, именно по наличию монет Прибай и догадался, что эта реликвия – не что иное, как алтарь.

3/А

В одном из пространственных слоев момента глубокого космоса мы зафиксировали нейро-сигнал свободной Сингулярности. Расчёты траекторий сигнала привели нас в закры-

тую поясом астероидов моно-звездную систему, в рукаве спиралевидной галактики класса 2/11. Нораг обосновался на единственной населённой планете системы. В моем рапорте эта планета названа "Мир за поясом" (Мир П – сокращённо).

Мы опоздали. Сигнал был пойман нами, когда Нораг уже уходил с планеты, так что нам осталось лишь вновь стать свидетелями последствий деятельности его ненавидящего разума. По данным аналитических расчётов, к моменту нашего появления на планете, со времени прибытия Норага прошло значительное время – планета за это время совершила половину оборота вокруг звезды.

Тут я должен прояснить деталь: напомним тебе, читатель – понятия, что встречаются в тексте – суть следствия перевода (конформирования) на ваши языки моих мысленных форм. Слова подбираются исходя из аналогий, но мы используем в общении множество мысленных форм, аналогий к которым ни один ваш язык не содержит. И наоборот, в ваших языках есть понятия, которые чужды нам. Например, мы не используем таких категорий как "время" и "пространство", потому как, если объяснить грубо, для нас эти понятия тождественны. Или ещё: "смерть"; абсолютное угнетение физического бытия. Физические оболочки для нас весьма необязательны, мы «наращиваем» их и удаляем по необходимости. Нам просто не ведома возможность погибнуть, как погибнешь когда-то ты и другие твои сородичи, так как в нас изначально отсутствует то самое, что исчезает в вас, когда вы умираете.

Et cetera.

Вернёмся к детали: если описывать наши поиски Норага во Вселенных с точки зрения ваших понятий, то можно было бы прямо сказать – мы ищем его невероятно долго. Тысячи лет, по-вашему (если год у вас это время, за которое ваша планета делает оборот вокруг звезды). Мы не имеем понятия объективного времени и не обозначаем свое бытие в рамках его контекста. Более того, объективное время можете замечать только вы, чьё существование столь мимолётно.

Поскольку пространство и время суть одно и то же, мы не испытываем трудностей с физическим перемещением в любой момент любой из Вселенных. Есть трудности только с поиском сигнала Норага и с расчётом момента его источника. Нораг не просто умён, он к тому же жесток и коварен. Зачастую он специально отправляет нам сигнал, исходя с планеты в межпространственную область, уже свершив свой чудовищный замысел; намеренно даёт нам знать, куда следует переместиться, чтобы мы вновь осознали его неуловимость; чтобы мы, вновь увидев последствия его пребывания на планете, постигли превосходство его разума. Так случилось и в этот раз.

Здесь мне следует привлечь новые части моего рапорта, трансформированные в текст и адаптированные к вашему восприятию. Части могут не иметь видимой хронологии и представлять собой оторванные друг от друга по смыслу фрагменты текста, но это издержки адаптации. Весь колоссальный массив вычислений и аналитики, из которых наши рапорты и состоят на девять десятых, я к тексту, конечно, не приложил.

Мир П был объят хаосом. Остатки ещё недавно огромного населения разумных существ планеты гибли в бессмысленных стычках, умирали от голода и болезней, от погодных условий и капризов природы. Несмотря на то, что это был далеко не первый пример злодеяний Норага, нас поразила масштабность произошедшего коллапса. Просканировав уцелевшие информационные пространства погибшего Мира П, мы смогли составить его ясную картину накануне гибели.

Местная цивилизация достигла достаточно высокого уровня развития массовых коммуникаций и средств связи. Сами аборигены представляли из себя довольно примитивных, по большей части неагрессивных существ стадного образа жизни. Уровень стадности был настолько высок, что существа почти не могли жить самостоятельно. Мы сделали вывод,

что весь высокий уровень развития средств коммуникации и был обусловлен одной лишь жизненной необходимостью укрепить квинтэссенцию их бытия.

Существа, к моменту прихода врага, сильно размножились и уровень истощения невозобновляемых ресурсов, используемых ими для осуществления процесса жизнедеятельности, был критическим. Примитивность их общества, их технологий, да и их самих была весьма очевидна. Впрочем, каждое разумное существо Мира II в отдельности определённо обладало неплохим психо-ментальным потенциалом. Мы сошлись во мнении, что почти любой индивид этой расы мог развиваться до более высокого уровня, однако стадность выступала доминирующим ингибитором возможности данного процесса.

В этом месте следует вновь внести важное замечание. Повторюсь – Нораг атакует лишь миры, где разумная жизнь достигла определённого уровня развития, довольно высокого. Обычно это те миры, где их разумные обитатели уже приручили субатомные связи, где вполне изучена плазма, тёмная материя и энергия; а также – где изыскания пытливых умов уже вплотную приблизились к использованию полезных свойств гравитонных полей Вселенной... Здесь же мы увидели расу развитую много хуже. Видимо, Нораг становился менее разборчив.

Стоит заметить ещё вот что: Нораг никогда не стремится навредить низшим формам жизни атакуемых им миров. Более того, после его ухода, после краха цивилизации, низшие формы начинают расцветать. Они получают истинную свободу от гнёта старших соседей по планете. Этот факт некоторыми из нас рассматривался как возможность выстроить гипотезу о некоей позитивной миссии Норага, сколь бы кощунственно это ни звучало. Смысл миссии – освободить мир от расы, приведшей его к истощению и дать шанс другим существам взобраться на вершину эволюции. К счастью, большинство из нас считает эту гипотезу ошибочной и полагает, что Нораг просто не замечает низших существ, в силу того, что они не обладают технологией, способной призвать его из недр подпространства.

Такой технологией, к примеру, которой он был призван в Мир II – глобальными системами связи и коммуникаций. Выражаясь примитивно – Нораг просто "услышал" этот несчастный мир. До него "долетели" исторгаемые в космос сигналы, представлявшие собой некие эксцессы коммуникабельности аборигенов.

И он прибыл. Его стратегия вновь оказалась гениальной и коварной. Он, обратившись в некий квантовый сигнал, сумел проникнуть в информационную сеть, пронизывающую Мир II. Эта сеть связывает каждого индивида с остальными в целом и с некоторыми в отдельности с помощью индивидуальных нестационарных приборов. Эти приборы выступают в роли идентификаторов, средств приема-передачи информации и, по сути, представляют собой некие звенья той цепи, что намертво связала их всех воедино. Стоило Норагу внедриться в сеть, сообщество Мира II расколосось бесповоротно.

Ему удалось безошибочно распознать все генотипы и глубинные поведенческие детерминанты жителей. Определив, каким образом настроить представителей разных генотипов друг против друга, он начал, используя их же индивидуальные приборы, внушать им неисчерпаемую ненависть к сородичам; ненависть по любому поводу. Проникнув в глубины памяти несчастных, он внедрил туда фальшивую древнюю вражду между ними, якобы существующую на религиозных противоречиях. Одна часть аборигенов, по задумке Норага, верила в приход извне некоего высшего создания, спасителя, что отвернёт цивилизацию от пропасти. Другая, большая по численности, но слабейшая по генотипу часть, яростно воспротивилась всякому спасению. Нораг так глубоко внедрил эту ложь в память жителей Мира II, так укоренил её, что ненависть и противоречия тут же переросли в войну. Войну на полное уничтожение. Разумные существа этого мира забыли обо всех актуальных и прошлых разногласиях, теперь их конфронтация или сплоченность опирались лишь на фундамент внедрённой Норагом ложной парадигмы. И никогда ещё доньне, ни в одном из старых конфликтов, коих в этом мире

было множество, жители Мира П не прибежали к столь безграничной жестокости и изощренности в уничтожении друг друга. Вслед за войной последовали голод, эпидемии и мор, окончательно добившие последнюю надежду на выживание цивилизации.

Нораг убыл. Прибыли мы, став свидетелями катастрофы. И почти сразу получили новые сигнатуры свободной Сингулярности из другого, отдаленного мира, тоже находящегося на крайнем витке спиралевидной Галактики.

Мир П спасти было поздно. И мы оставили его.

4/М

Прибай распустил помощников и охрану по юртам, дел на сегодня больше не предвиделось. Сонливость и скука вновь напали на Мелая. Домой ему не хотелось, и он медленно и лениво побрёл по лагерю, в надежде наткнуться на что-нибудь интересное. А интересно ему было почти всё, ведь в Общине он был всего пару месяцев. Да, впрочем, он и помнил-то себя столько же; шрам на затылке до сих пор изредка ноет, напоминая о полученной травме. Кто его ударил, или обо что он ударился сам – было неизвестно, но память ему отшибло начисто. Многие в Общине и сейчас в такое не верят – «как мол так, жил-жил, а тут тюк по голове и ничего не помнишь! Как и не жил вовсе. Брехня!».

Однако, это было правдой, Мелай ничего не мог вспомнить до того момента, как его нашли охотники под деревьями у обломков небольшой скалы. Они же и привезли его, обесиленного, в Общину, где после недолгих расспросов было установлено, что он никакой не Порватский лазутчик, и вообще, вроде парень хороший, знает язык человеческий, язв и проказ на теле не имеет. Стало быть, нужно собрать Курултай, да принять его в Общину, раз он сам не против. А кто он и откуда, и какого рода-племени – это уж как-нибудь да вспомнит потом. Так и порешили. Имя ему дал один из Старейшин, Инфляй, который и стал ему названным отцом. Сын Инфляя погиб несколько лет назад и Мелая он назвал в его честь.

Все эти воспоминания беспрестанно водили хоровод в его ушибленной голове. Видимо оттого происходило это, что самих воспоминаний было ничтожно мало. Вот и сейчас брёл он мимо центрального прогона лагеря, погруженный в себя и безучастно разглядывал торговые и постоянные юрты с цветными кошмами, где хоровод его вдруг разлетелся от громких криков.

«...спасения нет! Бурханы не спасут нас! Тарелки близко! Спасения нет! Подайте Мирового Спасения ради!...», – хриплым голосом кричал со слабым акцентом юродивый, стоявший прямо в центре прогона, опёршись на посох. Он был весь седой и заросший, вместо одежды на нём была изорванная попона, в которую он закутался, несмотря на теплую погоду. Под босыми ногами нищего лежала большая глиняная тарелка для милостыни, в которой было лишь несколько орехов, да небольшой кусок вяленого мяса.

Мелай остановился послушать крикуна, раньше он его не встречал в лагере.

«...Бурханы забыли о нас! Тарелки прилетят! Спасения... – тут старик закашлялся и долго не мог подавить грудные спазмы, – ... мирового ради подайте!»

Рядом с одной из постоянных юрт, сидели в тени под навесом на ковре двое Язов. По дорогим халатам и тюбетейкам было видно, что это были зажиточные торговцы. Они смотрели на рвущего глотку нищего, посмеивались и курили свои чубуки. Мелай решил подойти к ним, спросить – кто этот безумец, и о каких таких Бурханах он кричит.

– Вот дурень, хрипит уже, а все не уймется, – услышал Мелай голос одного из торговцев.

– Может его прогнать?! Гляди, весь народ распугал. Торговля-то стоит, – сказал второй и хмуро посмотрел на подошедшего Мелая.

– Светлого дня, маркитанты!

– И тебе, Мелай, если не шутишь, – ответил первый торговец.

Второй же промолчал. Видно было, что для него и Мелай, пришелец невесть откуда, тоже нежелателен здесь, у торговой юрты, да и вообще неприятен.

– Чего это он орёт? Какими-то Бурханами пугает...

– Да не Бурханами, тарелками он пугает. Бурханы – это Великие, что должны спасти мир.

Второй торговец начал прочищать свой чубук, делая вид, что ему разговор не интересен. Оборванец, меж тем, продолжал: «Некуда бежать! Бурханы забыли нас! Тарелки! Тарелки прилетят! Подайте...»

Мелай задумался. Он уже не раз слышал и о загадочных тарелках и о Великих, но всё это воспринимал не более как слухи, байки и рассказы.

– А откуда он взялся? Чего-то я его не видел здесь.

– Дык и тебя ещё пятьдесят лун назад тут тоже никто не видел, – язвительно вставил второй торговец, не отрываясь от своей трубки.

Мелай никак не отреагировал на эту реплику. Он вообще никогда не отвечал ни на грубость, ни на любое проявление агрессии, считая это бессмысленной тратой времени. Первый торговец легонько толкнул второго локтем – следи, мол, за словами, перед тобой всё же пасынок Инфляя, уважаемого Старейшины.

– Это безумный Дебиря из Общины Недалов. Шляется один меж лагерей Общин, милостыней пропитается да несёт всякую чушь. Никто его и не трогает, юродивый, дескать. Вот вчера ночью у нас объявился. Недельку покричит, отдохнёт, да дальше двинет, куда-нибудь к Либрам или к Сивушам.

Чубук первого торговца перестал дымить, и он тоже принялся чистить его и набивать снова.

– А зачем он пугает всех? – спросил Мелай.

– Так ведь дурачок же! – отвечал второй торговец. – Кто их разберёт, юродивых этих?! Тарелок уже вона сколько времени никто не видел, а уж Великих... да есть ли они вообще?!

– Ну, это уж ты, брат, брось мне! – сурово сказал первый торговец. – Уж это святотатство – сомневаться в Великих. Да их Сверкающий Город сколько уважаемых нойонов видели! И что ж, они все лгуны?!

Второй торговец потупил взгляд, что-то недовольно пробурчал и, кряхтя, поднялся с ковра.

– Порватский шпион этот Дебиря, вот и всё! Ходит по лагерям, да вынюхивает всё, а потом они детей у нас крадут. Тьфу! – злобно пробурчал он и ушел к своей лавке.

– Вот же дурак ты, Манет! – сказал, усмехнувшись, ему вслед первый торговец и продолжил раскуривать чубук.

– А вообще, Мелай, чёрт его знает, этого Дебирю! – теперь уже с серьёзным лицом сказал он, глядя на нищего. – Его ведь и Порваты не трогают, говорят. Так что ты держись лучше от него подальше.

После этих слов первый торговец тоже поднялся с ковра. Мелай попрощался с ним и пошёл домой.

5/A

Планета, к нашему прибытию, была под властью Норага уже несколько десятков тысяч оборотов вокруг звезды. Здесь я вынужден дать пояснение, и я постараюсь сделать его доступным для понимания.

Явления Норага в неких моментах пространства фиксируются нами согласно определённым пропорциям протяженностей континуумов, отделяющих нас от него. Когда я говорю «Нораг переместился» или «мы прибыли куда-либо» я не подразумеваю тех понятий в чистом виде, что приняты в ваших языках для определения изменения своего положения в простран-

стве. Повторяю, данный текст – это адаптация мыслепформ к вашему восприятию. Я использую ваш язык и ваши понятия. Иначе вы не будете иметь возможности уразуметь хоть что-то из того, о чем я веду речь. Я вынужден напомнить о пропасти, отделяющей наши когнитивные, перцептивные и физиологические институты, так как сейчас мне необходимо дать труднейшие для понимания объяснения.

Так вот, никакого перемещения в вашем понимании Нораг не совершает. Он является в определённой точке пространства, а изредка – в нескольких. То, что для вас расстояние – для него это только вектор. Скажем так – любые объекты в пространстве равноудалены от Норага. Слои пространственной материи, слабой аналогией коим может выступить ваше «время», для него также открыты сразу все и всегда.

Теперь вернёмся к тому, что Нораг пробыл на планете несколько десятков тысяч оборотов вокруг звезды. Он явился тогда, когда разумный вид только формировался. Осёдланные эволюцией, существа сумели быстро вырваться вперёд в гонке с прочими биологическими видами.

Природа жестока к организмам. Они страдают сами и приносят страдания другим, повинувшись её неумолимой стимуляции. Этот биологический механизм довольно просто устроен. И, подобно Норагу, он преисполнен жестокости. Жизнь и смерть, два основных компонента этого примитивного устройства, являют собой пагубность и бесперспективность его.

Нораг сумел внедрить в генетический базис будущих разумных существ некие самокорректируемые сигнатуры. Он реконструировал генотипы таким образом, что эгоцентризм каждого отдельного индивида этой расы стал незыблемой парадигмой выживания. Также он выборочно наделил определенных носителей генома генами повышенной жестокости и агрессивности.

Для удобства повествования я обозначу эту группу носителей «виоленты». Когда виоленты вызреют в разумных существ, когда дойдут в развитии до определенного уровня, их невероятный врождённый цинизм, склонность к ненависти и даже к садизму сыграют ключевую роль в замысле врага.

Несколько тысяч оборотов планеты вокруг звезды пронеслись для него одним мгновением. И он начал действовать. Хочу внести ясность – мы не смогли точно рассчитать слой пространства, в котором Нораг явился, поэтому прибыли как всегда поздно...

Хронология событий в сжатом виде будет выражена так:

Представители разумной расы этой планеты прошли тернистый путь от диких звероподобных существ до высокоразвитой цивилизации сравнительно быстро. И здесь следует отметить немалую заслугу виолентов; своей агрессивностью и цинизмом они зачастую становились мощными стимуляторами развития общества и цивилизации в целом, пусть и ценой немалых жертв и страданий целых поколений. После веков распрей и дележа жизненных пространств планеты, сопровождающегося страшными войнами, наконец настал всеобщий мир. Технологии развились до столь высокого уровня, что стали использоваться только возобновляемые ресурсы. Проблема перенаселения мира была решена. Уровень благосостояния всех индивидов был выровнен. Все жители мира объединились под одним общим духовным символом. Порядок и благополучие воцарились, казалось, окончательно.

Как только это стало очевидно, Нораг активировал скрытые генетические сигнатуры виолентов, вследствие чего последние тут же занялись агрессивным саботажем и террором. Всюду стали возникать секты и террористические группы, возглавляемые продвинутыми виолентами. Они сеяли вражду, ненависть между простыми жителями гиперсоциума планеты и взывали к непримиримой борьбе со всеми, кто объявлялся врагами. А к оным относили каждого, кто не разделял их убеждений. Они яростно напоминали о прошлых конфликтах, о старых, давно ушедших в историю разногласиях, поднимали из глубин прошлого истлевшие,

казалось, противоречия. Виоленты были сильны и убедительны. Простые жители мира легко и быстро стали заложниками их проповедей.

Массовая истерия охватила мир, и он раскололся под натиском всеобщего сепаратизма и нетерпимости. Начался геноцид. А затем – небывалая в истории война. Война не за территорию или ресурсы, но на полное уничтожение.

Не могу позволить себе описывать подробности этой войны. Считаю эту информацию просто излишней. Скажу лишь, что высокие военные технологии позволили воюющим сторонам за очень короткий срок сократить население своей расы на 80%...

Но мы, всё же, успели прекратить это безумие. Мы ввергли всех оставшихся в живых индивидов в стазис и стерли лишние сигнатуры из генетического базиса. Затем мы очистили биосферу планеты от немыслимого количества загрязнений, полученных в результате боевых действий. Их мир вновь стал пригодным для жизни, и они были выведены из стазисного состояния. Поскольку всё это произошло почти мгновенно, никто из них ничего не заметил. Война прекратилась. Выжившие, с ужасом осознав содеянное, начали восстанавливать свою цивилизацию.

Нораг же вновь ускользнул.

6/М

Мелай лежал на небольшой кучке сена, и, положив руки под голову, пялился на ночное небо. Звёзды казались ему угольками, небрежно просыпанными на чёрную ткань небес некоей могучей рукой. Только рассыпали их очень давно и они медленно падают на землю; до того медленно, что этого и заметить нельзя. Сердце Мелая сжималось, а на лице появлялась идиотская улыбка, всякий раз как он пытался вообразить себя где-то там, среди этих угольков. Он понятия не имел, откуда такие мысли берутся в его голове (всё-таки неслабо его, поди, ударили тогда у водопада), но они возносили его на такую вершину блаженства, что, собственно, думать о чем-либо еще в такие минуты он просто не мог.

Огоньки. Много. Бесчисленно много огоньков. И он, Мелай, парит среди них...

– Да что ж ты совсем оглох, дубина?! Мелай! Проснись же!

Идиотская улыбка была грубо устранена с его лица легкой пощёчиной, он тут же встрепенулся и вскочил на ноги. Инфляй стоял перед ним, как всегда с суровым лицом, и укоризненно качал головой.

– Ну что ж ты, сынок, спишь-то как суслик?! Я уж думал, Прибай наговаривает на тебя, когда тот сказал, что ты на посту уснул сегодня, когда рабов Сивушам продавали. А оно вот что, значит – взаправду дрыхнешь.

– Отче Инфляй, ей богу, сам понять не могу что это со мной...

– Прекрати меня так называть, когда мы одни, – поморщившись, перебил Инфляй. – Меня аж коробит от этого "отче"! Это ж для других, чтоб видели, что ты мой пасынок. А дома нам это к чему? Зови просто по имени. Ну, ладно, продолжай оправдываться. Чего ты там врать начал?

Инфляй улыбался. Это смутило Мелая, и он не стал пытаться дальше говорить по поводу своей сонливости. Вообще, он трепетал перед отчимом; он вызывал в нём безмерное уважение и такую преданность, что было очевидно – скажи он Мелая шагнуть в огонь или с обрыва, тот шагнёт. А вот улыбался Инфляй редко, потому своими кривыми улыбками всегда смущал пасынка. Тому было просто невдомёк, чего это суровый и такой всегда серьёзный Инфляй вдруг скалится?! Мелай, при всём этом, замечал, что глаза отчима наполнялись безбрежной тоской, всякий раз, как он разводил свои высокие скулы в оскале. Всё-таки сына ему никем не заменить, – грустно понимал он, всякий раз, как наблюдал эту тоску в глазах Инфляя, да и вообще, всегда, когда задумывался о себе и своём теперешнем положении.

– Я чего будил-то тебя, жрать пойдём.

Над углями висел средних размеров котелок, в котором кипела шурпа. Котелок был металлическим и невообразимо ценным в Общине, Инфляй им сильно гордился. Он редко забывал рассказать за ужином (если ужинали в компании гостей) ту полуполюгендарную историю из его молодости, как он добыл этот котелок в одном из проклятых Городищ Великих. По завершении рассказа он, непременно под восхищённые взгляды слушателей, поглаживая бороду, восхвалит искусство Великих по обращению с металлом и их невообразимое могущество над материалами вообще. Вот, дескать, сегодня – что любая из Общин сможет выплавить? Какую дрянную ложку или наконечник для стрелы?! Да хоть бы даже сами Недалы, известные умники и ремесленные люди, что они могут из металла путного сделать?! Да и что нынче за металл?! Мягкий какой-то, непрочный, дрянь, словом. А вот у Великих... (тут Инфляй обычно ударял палочкой по котелку, добиваясь нужного слуху звука) Совсем другое дело! И как им это удавалось – вот загадка.

Вообще, если ужинали с бочонком пива или браги, то тут уж Инфляй уходил надолго в воспоминания о своих походах по руинам Городищ, о редчайших и таинственных находках, что им с другими нойонами удавалось добыть...

– Шурпа сегодня что надо! – шурясь и чавкая от удовольствия, сказал Инфляй.

– Точно, – подтвердил пасынок, сдувая пар с горячего бульона в ложку. – А какая она у тебя ещё бывает?!

Сегодня ужинали без гостей. Сидели у костра, слушая тихую и грустную песню лёгкого степного ветра. Огромная Юрта Старейшины во тьме ночи казалась невзрачной и даже какой-то жалкой. Мелай, жадно поглощая ужин, рассматривал ближайшую кошму. Она была сплошь покрыта ровными металлическими пластинами. Некоторые были блестящими, иные – белыми, другие чёрными. Почти все эти пластины были украшены надписями на языке Великих или изображением яблока, одного из символов (как говорят в Общине) их павшей цивилизации. Пластины эти были дорогими артефактами потому как отличались известной крепостью и твёрдостью. Знатные нойоны и даже некоторые зажиточные нукеры отделявали ими свои стеганые кафтаны. Ни стрела, ни копьё их не пробивали. Но чтоб вот так обвешать ими кошму юрты, просто для красоты, этого себе почти никто из всей общины Язов позволить не смел. А Инфляй ничего предосудительного в этом не видел, не даром его рейды за реликвиями были столь успешными в своё время, что он при жизни стал легендой. Столько артефактов, разных волшебных вещиц, железных изделий, предметов одежды Древних, никто кроме него не приносил. Многие даже и подойти побоялись бы к некоторой утвари, что он добывал, а он, мало того, что не боялся ничего, ещё и легко находил применение многим непонятным вещам, пусть даже применение это шло вразрез с изначальным их предназначением.

Инфляй не боялся заходить в самые гущи, самые зловещие и дальние уголки покинутых (а потому – проклятых) Городищ Великих. Потому он и ходил почти всегда один, другие просто трусили идти с ним в эти, как им казалось, походы в один конец. Нередко он возвращался в лагерь без лошади или израненный, а бывало, что и без оружия и без доспехов, да чуть живой. Иногда в Городищах встречал он волков, что непременно нападали на него. Порой на обратном пути его атаковали Порватские всадники, от которых он чудом уходил, зачастую ценой всех добытых вещей, которые приходилось бросать, чтобы уйти от погони. Много всяких историй успел Мелай услышать от самого Инфляя, а чаще от других Язов, о его бесшабашных походах. Бывало, Мелай подолгу засматривался на висящую в их юрте карту, на которой были отмечены границы Живого Мира, по которому кочуют друг за другом все Общины. Первые всегда идут Язы, так уж повелось, следом Сивуши, мастера варить пиво и гнать самогон. Другие же две общины – Недалы и Либры кочуют всегда поодаль, как бы сами по себе, хоть и идут след в след с первыми.

– Ты вот что, Мелаяшка, ступай-ка в юрту. Там под Сульдэром, на полу, сундук, ну ты знаешь, который накрыт халатом, ага. В сундуке бочонок пива, принеси его. А я пока дров подброшу, а то совсем огонь-то погас. Сульдэра не пугайся, он в клобуке, да и спит уже.

Пасынок зажёл от костра лучину и пошёл за пивом в юрту. Сульдэра, большого охотничьего беркута Инфляя, он давно перестал бояться. Всё же спали все в одной юрте. Огромная птица дремала на жерди, под самым сводом. Мелай взглянул на орла мельком, взял бочонок и вернулся к отчиму.

Костёр пылал с новой силой, подкормленный сухими дровами. Бочонок был уже на треть пуст, а Мелай всё собирался с мыслями, обдумывая с каких вопросов начать. Ему не давало покоя многое в последние дни.

– Хорошее нынче пиво у Сивушей получилось, – вытирая усы и бороду сказал Инфляй и поглядел на Мелая, который, собравшись с мыслями, начал.

– Отче, сегодня я на центральном прогоне видел одного пришлеца, юродивого. Он собирал милостыню и кричал всякий вздор. Торговцы сказали, что он из Недалов, и что зовут его Дебиря.

– Слышал я про него. Чудной старик. Странствует себе по Общинам, но ничего такого за ним не водится, вроде. Ну и что он?

– Странные слова он кричал: Бурханы не придут на помощь, тарелки прилетят, спасайтесь. Так как-то вроде. Отче, скажи, что это значит? Зачем он говорил всё это? Ужели и вправду это просто вздор и ничего более?

Инфляй отпил разом полкружки пива, вытер усы и снисходительно посмотрел на пасынка.

– Ладно, черт с тобой, расскажу, что знаю сам, и что слышал невесть от кого. Да только сколь раз уже рассказывал... Ведь байки это! Подкинь-ка ещё дров. Ага. Ну, так вот. Век, может два века назад, здесь, как говорят, всё было иначе. Не было никаких кочующих Общин, ни Язов, ни Сивушей, ни других.

– А что было? – нетерпеливо перебил Мелай. Взгляд его вдруг стал остер как когти беркута, он жадно внимал каждому слову отчима.

– Города были. Огромные, светящиеся в ночи, сплошь из камня, с высокими, до неба, домами, города. Наши нойоны часто заходят в руины в поисках реликвий и просто интересных вещей (а у них там все вещи – интересные), да я и сам в молодости столько раз там бывал, сам знаешь. Так вот эти руины и есть, как говорят, остатки городов Великих. В них и жили Бурханы, Великие эти. А потом...

Инфляй вдруг будто потерял нить рассказа. Он нахмурился и допил из кружки остатки пива.

– Потом?! – жадно глядя на него, переспросил пасынок.

– Хромая кобыла его знает, что было потом, Мелай. Разное болтают. Но многие сходятся в одном – вдруг с неба прилетели блюдца, тарелки бишь эти, и напали на Бурханов... на Великих, один хрен. Началась долгая война. Великие сотворили эту свою Службу Мирового Спасения, как бы одно общее войско из уцелевших, но всё равно не сдюжили, да отступили из своих городов.

– Куда ж они смогли отступить?

– В другие города.

– А почему побросали эти?

– Да откуда ж кто знает, Мелаяшка! – ухмыляясь сказал Инфляй. – Ты как ребёнок малый, такие вещи спрашиваешь! Спроси ещё, почему небо голубое или отчего орлы летают да не падают.

– Отче, у нас в юрте висит карта.

– Опять этот «отче»... Ну висит, и чего?

– Там все Общины нарисованы и стрелками показаны их кочевки.

– Верно, всё так.

– А ещё там много чего непонятного, особенно, где обозначены Городища Великих. Расскажи что там к чему.

Инфляй допил последнее пиво, сильно раздобрел и начал набивать свой чубук.

– Ну, уж раз у нас такой Курултай пошёл, можно и про карту. Эх, сходить бы по нужде... Ну да ладно. Эта карта – одна из немногих. Их раньше, давно ещё, Либры делали. Ох уж на это мастера они были. Сейчас вот что-то от них новых карт давно никто не видит. У нас в лагере их всего три. Одна, как видишь, у меня, как у главного помощника Прибая. На случай, если с ним чего-нибудь того, ну там, с коня пьяный рухнет или Порватская стрела пронзит, тут же временным главой Общины станет Старейшина, у которого есть карта. То есть – либо я, либо Кредай. Но желтоухой собаке под хвост такие случаи! Я своё уже набегал, мне порой из юрты выходить-то неохота.

Инфляй замолчал, дымя своей трубкой. Он явно погрузился в какие-то воспоминания из лихой молодости и забыл о чём начал говорить.

– Ты начал рассказывать про карту.

– Да. Так вот я и говорю – паршивый шакал знает их как, но Либры нанесли на эту карту всю нашу степь со всеми пролесками, холмами, реками, ручьями и озёрами, со всеми Городищами! Да с такой точностью, Небо в свидетели, не иначе как они подсмотрели карту Бурханов. Эх, принести бы её сюда из юрты, я б тебе показал всё, да больно большая. Да и повредить можем её, во хмелю всё ж. А в юрте сейчас темновато. Да и лень мне вставать, хорошо сидим, душевно. Нет, пойду все же, отолью.

Справив нужду, старейшина вернулся на место и с лёгкой ухмылкой на лице стал прищурено глядеть в огонь.

– А дальше что?

– Что дальше? А, карта, барсучье вымя! Ты когда разглядывал её, заметил, что на иных Городищах нарисованы черепа?

– Так там и не только на городищах, а вообще на многих местах карты черепов наткано.

– Да. Так вот во все руины, и в места степи, где нарисован череп – нам ходу нет. Там всё испорчено древней отравой, невидимой, но смертельной. Многие, кто плутал по заражённой степи, не возвращались, а кто вернулся, всё одно – помирал. В муках. С них слазила кожа, выпадали волосы и зубы, они страшно кашляли и плевали своей плотью...

Инфляй задумчиво глядел на костёр, вспоминая, как сжигали тела прокаженных. Мелай тоже почувствовал тяжесть, повисшую в воздухе. Несколько минут молчали.

– И ведь откуда Либры, конский хвост им в глотку, об этой заразе узнали, коли она невидимая?! – Инфляй изобразил на лице искреннее удивление.

– Поэтому все Общины кочуют по одной степи туда-сюда? Потому как со всех сторон – смерть, верно?

– Да, Мелай, верно.

– А что это за Сверкающий город Бурханов, о котором все болтают?

– Брехня это всё!

Старейшина зевал. Он явно утомился и хотел спать.

– А Служба Мирового Спасения – тоже брехня? Но как же, отче, ты же сам сказал, что Бурханы... что Великие покинули свои города и ушли в другие. Может в этот Сверкающий Город и ушли они, и там, в этом Городе и обосновалась Служба?!

Инфляй помолчал немного, как бы вспоминая что-то.

– Когда я был совсем молод, сынок, моложе чем ты сейчас, я уже ходил с опытными нойонами за древними реликвиями. Однажды мы забрались очень далеко от лагеря и заблудились. Несколько дней провели в большом осиновом околке. Ночевали прямо под открытым

небом. В одну из холодных, безлунных ночей я проснулся и побрёл зачем-то на пригорок. Не знаю, что было у меня в башке, о чём вообще думал. Да ни о чём, наверное, возраст такой был – ветер вместо ума. Видать мне слабое зарево почудилось за пригорком, вот я и пошёл. Караульный спал как суслик, никто меня не заметил. Взобрался я на самую верхушку и увидел вдали тысячи сверкающих огоньков, словно это было озеро света. Я остолбенел и не мог пошевелиться наверное целый час. Неужели, думал я, это тот самый Город Бурханов?!

Инфляй протяжно зевнул и, кивнув на котёл, сказал сидевшему с раскрытым ртом Мелаю:

– Так, давай прибери шурпу, посуду и айда спать, поздно уже.

– погоди, отче! – сказал Мелай, выпучив на отчима глаза, – Ты увидел Сверкающий Город и... почему ты молчал об этом!? Значит, он есть на самом деле! Ну и что было потом?

– Что было, что было. Ткнул меня сапожищем в бок старший нойон, я проснулся, и мы начали собираться в путь.

Мелай вздохнул и плюнул в сердцах в затухающие угли.

– Так тебе это приснилось?

– Ну конечно приснилось, едрить твою в чекопалку! Я ж говорю – брехня это! Всё, спать! Забыл, что завтра нам на охоту рано утром?

– Не забыл, – угрюмо буркнул Мелай и начал собирать посуду при тусклом свете углей. Заезд теперь не было видно. Небо затянули тучи. В воздухе пахло дождём.

Утро обозначилось прохладой и сыростью, но дождя пока не было. Казалось, природа придерживала осадки до последнего. Охотиться начали ещё с первых лучей солнца, и до полудня еще было далеко. Хмурые нукеры оглядывали степь. Инфляй что-то им кричал, брызгая слюной на жёсткую гриву своего коня. Сульдэр смиренно сидел на его руке, хищно озирая охотничьи угодья. Двух зайцев сегодня он уже поймал, и можно сказать заслужил отдых и пищу, но хозяину всё было мало. Старейшина загорелся добыть сегодня косулю, во что б это ни стало, и все неуверенные попытки молодых нукеров убедить его, что косули здесь нет, были тщетны.

«Ядрёный корень, да что вы мне тут лопочите, сурки недоношенные! Я здесь охотился ещё когда вас мать в брюхе не носила! Косуля тут завсегда водилась во множестве и Сульдэр мне её сегодня добудет!»

Небо было совсем низко. Казалось, оно медленно ползло по земле. Тяжёлое, густое, серое. Мелай дремал в седле. Охота ему не очень понравилась, он ожидал от неё какого-то азарта, кровавого состязания с природой, обострения инстинктов... Она же вызвала у него только скуку и сонливость. Беркуты без особых трудностей настигали зайцев и лисиц. Те просто не могли никуда спрятаться от атаки сверху, не могли скрыться от всевидящего и быстрого хищника. Сейчас, в полудреме, Мелаю казалось, что он вовсе не в степи, не на охоте, а в лесу. Точнее, в небольшом пролеске у останков разрушенной временем и ветром приземистой скалы, по склону которой ретиво сбегает тонкие струйки воды. Ночь светла от огромной яркой луны и бесчисленных звёзд. Будто жемчужины, небрежно просыпанные великой рукой, они сверкали в небе. Воздух кругом свеж и приятен, листва еле слышно шелестит, и в этом шелесте слышен загадочный шёпот седого времени, смиренно раскрывающего вековые тайны: тайну звёзд и пустоты, что вокруг них; тайну далёких миров, в которых всё так же, как здесь, но чуть иначе; тайну небытия... Водопад вдруг застыл, листья на ветках замерли, как если б взор уловил их в момент вспышки молнии, но вспышка эта длилась бы очень долго. Воздух начал сгущаться невысоко над землёй, совсем рядом с водопадом, образуя собой неясные очертания. Свет небесных светил задрожал и на мгновенье погас. А когда вновь появился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.